

УДК 811.161.1'373.421

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА*

Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина

Российский государственный профессионально-педагогический университет
кафедра русского и иностранных языков

В статье представлены результаты анализа лексики, репрезентирующей конфликтные отношения человека и власти в диалектном и литературном дискурсах. Анализ языковых фактов позволяет заключить, что в традиционном социуме и в современной городской среде представления об отношениях власти и рядового члена коллектива, воплощенные в языке, имеют существенные различия.

Ключевые слова: конфликт; семантика; идеография; русские народные говоры; человек; власть.

1. Введение

Отношения человека и власти во всем их многообразии находят отражение в разных видах дискурса, но не только множество текстов может служить материалом для исследования, имеющего целью выявление способов концептуализации представлений о том, как человек относится к властным структурам. Лексика также хранит оценочные смыслы, характеризующие восприятие властей человеком. При этом знания, зафиксированные в виде цельнооформленного слова либо фразеологически связанного сочетания слов, можно считать наиболее устойчивыми ментальными единицами.

Государственные институты, назначение которых состоит в обеспечении организации жизни граждан, то есть служении людям, в наивно-языковом сознании предстают как структуры, оказывающие внешнее воздействие, а оно в свою очередь видится как вызывающее ожидаемое сопротивление (как все чужеродное) и побуждающее к противодействию. «Повсюду власть сообщается со своей диалектической оппозицией – сопротивлением, вокруг которого и образуется протестный дискурс, где и гнездятся протестные тексты» [10, с. 31]. Семантико-мотивационный анализ языковых единиц, называющих разные формы влияния власти на граждан государства и формы сопротивления им, позволяет понять, какие социальные явления жизни людей подвергаются осмыслению и переосмыслению, как фиксируются в языке, каким образом слова с социальной семантикой могут актуализироваться в разных дискурсах.

Работы отечественных и зарубежных лингвистов освещают институциональные отношения внутри государства с точки зрения способов концептуализации политической действительности (как в лексике, так и в текстах), ее места в языковой картине мира, способов воздействия на общественное мнение [7; 18; 4; 5; 20; 21; 22; 23 и др.].

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

2. Противодействие власти в традиционном социуме (на материале русских народных говоров)

Среди лексических единиц, которые можно обнаружить в русских народных говорах, находим лексемы, объективирующие противопоставление «своего мира» без официальных властей (в качестве строительного материала для конструирования слов и фразеологизмов привлекаются лексемы сам, свой, братский) и «чуждого мира» властей, устанавливающих закон и порядок извне.

Идеограмма «отсутствие власти» воплощена в волог., вят., перм. *самáтовщина*, север, вост. *самотóвщина*, ряз. *самотовщина* [удар.?] ‘отсутствие власти, руководства, безначалие, беспорядок’ (*Какая у них самáтовщина, ни большего ни меньшего нет*) [14, т. 36, с. 74], перм., вят. *самáтовщина* и *самотóвщина* (б/у места) ‘самоуправство, беззаконие’ (*На этом селе такая самотовщина, что и концов не сыщешь*) [14, т. 36, с. 74]. Приведенные факты соответствуют функционирующему в русском литературном языке существительному самоуправство с тем же корнем *сам-*. При этом семантический объем этих лексем таков, что мы не можем утверждать, будто речь идет об отсутствии именно официальной власти, утвержденной законодательно. Вполне можно представить себе контексты, которые выявили бы противопоставление признанного в общине центра управления (постоянного, традиционного) и непризнанного (стихийного, временно сложившегося, которое при других обстоятельствах не имело бы веса и не оказывало влияния на уклад жизни в деревне). Может подразумеваться в подобном случае также оппозиция порядка (наличия самоуправления) и беспорядка (отсутствия механизмов самоуправления, несогласованности действий людей) в организации жизни деревенской общины.

Сема ‘согласованность (действий)’ зафиксирована во внутренней форме омск. *самоуглáсие* ‘произвол, самовластие’ (*Тогда самоугласие было – кто что хотел, тот и творил*) [14, т. 36, с. 108] посредством элементов *у-глас-*. Возможность появления значения ‘добиться согласия’ у сочетаний префикса *у-* с глаголом говорения подтверждается словами *уговорíтися* ‘сговориться, прийти к соглашению’ [16, т. III, с. 1134], *уговóр* ‘взаимное соглашение, договоренность относительно чего-либо; условие, установленное сообща’, *уговáриваться* ‘приходить к взаимному согласию в результате переговоров; договариваться’ [15, т. 16, с. 214], разг. *уговóрный* ‘установленный по общему уговору; условленный, договоренный’ (*Деньги за провоз я заплачу здесь по уговорной цене*) [15, т. 16, с. 216]. Таким образом, основной (но, вероятно, не единственный) зафиксированный лексическими средствами механизм доинституциональной самоорганизации в традиционном социуме – согласование действий по договоренности, достигнутой членами «своего» микросоциума (жителей деревни, села или куста деревень).

Сема ‘свой’ видна без специальной исследовательской оптики в том., кемер. *своёй вы́думкой* ‘самовольно, без разрешения властей’ (*Игород-то не давали садить, они сами, своей выдумкой. Земли здесь много было. Занимали сколь под силу, селились своевольно, своей выдумкой*) [14, т. 36, с. 317]. Она трактуется здесь в контексте взаимной проекции оппозиций «свой – чужой» и «несанкционированный властями – установленный официальными властями».

В традиционном обществе олицетворением оппозиции официальной власти выступали общинные собрания и суды. Соответствующие диалектные номинации своей внутренней формой апеллируют к словам, называющим единицу социума

(себр 'сосед', *брат*) или деревенское сообщество в целом (*мир, община*): курск. *себрóвица* 'собрание членов сельской общины, мирская сходка' (*Вся себровица присудила мне владеть этою землею*) [14, т. 37, с. 95], арх. *брáтский суд* 'само-суд' («Обсуждение дурного поступка своим судом, без участия местных властей; и так выражение "он у нас за то-то был наказан братским судом" означает, что наказан собственными товарищами»; *Начальству не жаловались, братским судом отстегали*) [14, т. 3, с. 160], арх. *мировóхой* 'все вместе, сообща' (*Его сегодня мировухой лупили*) [13, т. 3, с. 241], свердл. *сбóрень* 'деревенская сходка, собрание' [14, т. 36, с. 181], твер., пск., калин., новг. *суём, суйм, суйма* 'собрание, сходка, совещание о делах; мирской сход' [14, т. 42, с. 180, 191], волог. *суёма* 'собрание жителей деревни' (*Вчера на суёме решили вот что: будем загороды стеречь по очерёдке*) [11, т. 10, с. 153], том. *схóдня* 'сходка; собрание членов сельской общины' [12, т. 4, с. 494], арх. *шумíха* 'мирской сход' [8, с. 194] (стереотип поведения – «шуметь, обсуждая»), брян. *грамáда* 'мирская сходка' [9, с. 82] (возникло на основе метонимии от брян. *грамáда* 'толпа, много народу, множество' [Там же]; этимологически предположительно производно от и.-е. **ger-* 'собирать, схватывать'; в индоевропейских языках континуанты этого корня имеют значения 'множество, куча', 'груда', 'толпа', 'ком, глыба' и др. [19, т. 7, с. 103]) и т. д.

В период до формирования институциональных органов управления в деревенской общине не предполагалось расслоения на «власть» и «остальных», управленческие функции выполнялись сообща.

Итак, деревенская община вершила суд над поступками человека, а значит, в оппозиции к ней во всякой сложной ситуации, требовавшей разрешения, находился лишь сам «подсудимый», а в других случаях, когда община собиралась не для суда над провинившимся, а для обсуждения общих вопросов управления, принималось совместное решение, даже если были несогласные стороны внутри общины, поэтому и конфликта между «властью» и «обычным человеком» в современном понимании быть не могло.

Впрочем, возможность конфликта между человеком и общиной фиксирует уникальный языковой факт – рус. (бурят.) *сведёнь* 'насиленно выселенный в другую деревню человек' (*Сведенем его прозвали потому, что его три раза всем обществом переселяли из одной деревни в другую. А сведенем он стал потому, не мог долго ужиться с мужиками в деревне*) [12, т. 4, с. 245]. Перед нами своего рода разновидность конфликта между человеком и властью в том смысле, что община и была властью.

3. Лексика социально-политического протеста в гипертексте словаря, литературном и публицистическом дискурсах

В литературном и публицистическом дискурсах конфликт между человеком и властью актуализируется в более широком поле номинаций, нежели в диалектах. Выборка из словарей русского литературного языка позволяет представить семантические слоты такой лексики в виде идеографической сетки, отражающей одну из зон лексики-семантического поля, центр которой представлен идеограммой 'протестовать против государственной власти'.

Не касаясь оценочной лексики, используемой в процессе противостояния человека и власти, человека и общества, общества и власти, например, слов с пейоративной или дерогативной семантикой, оскорбляющих достоинство человека,

его гордость и т. д., а также общество и власть или их представителей, рассмотрим только те номинации, которые в той или иной форме репрезентируют протест, его участников, их характеристики и т. п. Нас интересуют лексические единицы, значения которых отражают институциональные отношения личности, общества и государства в разные периоды истории.

В сфере обозначений институциональных отношений между человеком, обществом и государством можно выделить номинации, воплощающие две базовые идеограммы: «действия граждан в отношении государства (направленные на сотрудничество либо конфликт)» и «действия государства в отношении граждан (ориентированные на помощь либо подавление намерений)». В том и другом случае языковые факты фиксируют две стороны отношений человека и государства: взаимное признание и протестное отношение в силу разных причин. Так, например, слово *демонстрация* как ‘массовое шествие для выражения общественно-политических настроений’ [15, т. 3, с. 693] в ассертивной части значения фиксирует только факт проведения мероприятия с определенной целью, которая актуализируется лишь в пресуппозиции, часто в зоне коннотаций. Например, первомайская демонстрация в СССР имела исключительно мирный характер и предполагала не только выражение солидарности с трудящимися всех стран, но и демонстрацию лояльности граждан к власти: *Победив, празднуй, сколько хочешь, мирными демонстрациями к коммуне иди. Маяк. Третья (X, 77)* [15, т. 3, с. 693]; *На Руси первомайская демонстрация (в духоподъемно-советском понимании этого слова) – действие сакральное, почти языческое. По сути – это обрядовый, веселый и совершенно бессмысленный праздник (ну как восторженно купаться при луне на Ивана Купала), когда люди выходят на улицы не требовать что-либо, а просто порадоваться весне, солнцу, цветным шарикам и друг-другу, а заодно погордится своим местом в обществе – ты рабочий человек!* В. Ворсобиин. Первомайские митинги в Москве: назад в СССР // Комсомольская правда, 2012.05.01 [6]. В современной России этот праздник утратил такое социально-политическое значение, поэтому воспринимается более как празднование начала весны, о чем свидетельствует его новое название «Праздник весны и труда»: *Своими праздничными впечатлениями о Первомае в Москве делится корреспондент «Труда». Кто-то отмечал праздник весны и труда, а кто-то по старинке: Международный день солидарности трудящихся. Отпраздновать удалось, с тем или иным успехом, всем. С утра пораньше праздничное шествие устроили профсоюзные организации. Студентки МЭИ Оля и Маша в блестящих париках, с флажками в руках, пританцовывают под музыку.* С. Хазова. Первомай – Кого хочешь, выбирай // Труд-7, 2002.05.07 [6].

В то же время демонстрация определяется в этом же словаре и как ‘массовое уличное противоправительственное выступление (до Октябрьской революции и в буржуазных странах)’ [15, т. 3, с. 693–694]: *Революционное возмущение петроградских рабочих и солдат переливало через край. 3 (16) июля в Петрограде, в Выборгском районе, стихийно начались демонстрации. Отдельные демонстрации разрослись в общую грандиозную вооруженную демонстрацию под лозунгом перехода власти к Советам.* История ВКП(б), Кр. курс, с. 186 [15, т. 3, с. 693–694]. Интересно, что в начале XXI века акции протеста в форме массовых выступлений, в том числе и противоправных, проводятся во всем мире чаще, нежели мирные демонстрации, как следствие, это значение снова актуализировалось, в частности, на первый план выдвинулись семы ‘противоправительственное выступление’ и ‘в буржуазных странах’, что подтверждается анализом контекстов: *Томичи и ранние про-*

тествовали в связи с ростом тарифов, а в этот раз состоялась самая мощная демонстрация протеста, в некоторых органах прессы даже высказывалась точка зрения, что жители города готовы были итурмовать местный Белый дом, резиденцию городской администрации. В. Симонин. Гнев закипает и при 30-градусном морозе (2003) // «Советская Россия», 2003.07.10 [6]; *Протест против самого непопулярного президента Франции Франсуа Олланда вышел на улицы. В ночь на 27 января, по данным полиции, около 17 тыс. радикально настроенных французов (по данным организаторов – 160 тыс.) собралось на площади Бастилии в Париже на «День гнева», чтобы потребовать отставки президента-социалиста и высказать «нет» результатам его правления – разрешению однополых браков, беспрецедентному росту безработицы, наплыву иммигрантов. Мирная демонстрация вылилась в потасовки со стражами порядка: 19 полицейских были ранены, 262 манифестанта – задержаны.* М. Горковская. «День гнева» против Олланда растягивается на неделю // Известия, 2014.01.27 [6] и др.

Анализ показывает, что в лексико-семантическом поле «Действия граждан в отношении государства» количественное преимущество имеет зона конфликта (в данной работе не стоит задача статистического учета лексических репрезентантов разных зон и их сравнения по данному критерию, поскольку численное преобладание знаков не является абсолютным показателем значимости тех или иных смыслов для языкового коллектива). Идеографическая сетка включает 38 идеограмм с семантическим центром «протестовать против государственной власти». При этом выделяются сегменты зоны, соответствующие этапам и формам развития протеста.

Первый этап условно связан с формированием протеста, которое в семантическом поле представлено идеограммами «подстрекать», «подстрекательство», «относящийся к подстрекательству», «человек, занимающийся подстрекательством», «свойственный человеку, занимающемуся подстрекательством», объединенных интегральной семой? ‘имеющий отношение к протесту против официальной власти, идеологии, государственного устройства’. Лексическими репрезентантами идеограмм являются соответственно слова разной частеречной принадлежности, например: *агитировать* («Волновать, подстрекать, возбуждать к какому-нибудь действию» [17]: *Но скажите вы мне, на кой черт агитировать за восстание, если сам поджигаешь хвост?* Б. В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было, 1918 [6]); *агитация* («Народные или сословные смуты, подговоры, наущения и волнение, тревога» [2, т. 1, с. 4]: *Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания. Народная воля.* Социально-революционное обозрение. № 3 // «Народная воля», 1880 [6]); *агитатор* («Волнователь, подстрекатель, смутчикъ, зачинщикъ мятежа» [2, 1880, т. 1, с. 4]: *Вспоминался агитатор-большевик, в марте все ходил по палаткам, отговаривал наступать. Тогда казался сумасшедшим, а ведь правильно говорил: кроме как на пушечное мясо – мы никому здесь не нужны...* О. Копытов. Долгая дорога // «Сибирские огни», 2013 [6]) и др.

Второй этап выступлений граждан против власти связан с собственно протестными действиями и репрезентирован идеограммами, включающими ту же интегрирующую сему протеста ‘против официальной власти, идеологии, государственного устройства’: «действовать, выступать» (*бунтовать, крамолити*), «мас-

совое действие» (*бунт, волнение, смута*), «коренной переворот в результате протеста» (*революция, цветная революция*), «относящийся к коренному перевороту» (*революционный*), «историческое событие в форме протеста» (*Пугачевский бунт, Майдан*), «относящийся к действиям, выступлениям» (*смутный, крамольный*), «участник протеста» (*бунтарь, белоленточник*) и др. При этом интересно провести анализ семантики лексем в диахронии. Так, В. В. Колесов, анализируя значения некоторых слов, включенных нами в данную лексическую группу, пишет: «Итак, революции делают дворяне, у мужиков это стачки, которые называют бунтом. Для власти подобные выступления по-прежнему остаются бунтами, но в действительности они изменялись в своем характере. Эти изменения требовали своих обозначений» [3, с. 62].

К этой же группе примыкают идеограммы, связанные с особыми формами протеста, например, «путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*забастовка, голодовка, самосожжение*).

Условно третий этап развития конфликта между гражданами и государством связан с оценкой протестных действий как преступных. Здесь актуализируются идеограммы «действовать, выступать против официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*терроризировать*), «деятельность, направленная на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*антисоветчина, терроризм*); «преступное деяние, направленное на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*дворцовый переворот, террористический акт*) и др. Структура значения слов данной группы дополняется семей «путем совершения преступления». К этой же группе примыкают идеограммы «борьба с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*контрреволюция*), «контрреволюционное движение как исторический факт» (*белогвардейщина*) и др., поскольку в наивно-языковом сознании такая борьба в момент ее существования обычно связывается с преступной политической деятельностью, хотя со временем и в разных социальных группах такая связь может переосмысливаться, сравним: *Национальная рознь и прочие «плоды» колониальной политики самодержавия создавали клубок неизжитых противоречий, затруднявших работу партийных организаций и органов советской власти. Басмачество, кулацкие восстания, остатки белогвардейщины и английская интервенция превращали территорию Туркестана в сплошной фронт* [6] и *В советское время понятия басмач и басмачество имели оттенок крайнего осуждения. После распада СССР отношение к басмачам в независимых республиках Средней Азии постепенно пересматривается. В настоящее время это движение называется «освободительным движением народов Центральной Азии* [1].

Таким образом, идеографическая сетка, включающая в себя идеограммы протеста против официальной власти, идеологии, государства, отражает разветвленную систему конфликтных отношений человека и власти, которые составляют важную часть институциональных отношений в государстве на протяжении всего периода его существования, при этом поле институционального конфликта постоянно наполняется языковыми единицами, номинирующими новые реалии жизни социума (*арабская весна, бархатная революция, антимайдан, правосеки* и т. д.), а также новыми значениями уже имеющихся номинаций, еще не зафиксированными в существующих лексикографических источниках (*бандеровец* ‘участник украинского националистического движения, в XXI веке, для которого характерны крайне

правые, радикально-националистические взгляды»: – В них сидят все эти бандеровцы из «Свободы» (всеукраинское националистическое объединение. – «Известия»), у которых с уст не сходят разговоры про происки «жидів та москалів». Ну и мы, коммунисты, у них тоже злейшие враги. Молодым националистам определение «бандеровец» льстит. Многие из них даже называют так друг друга, стоя 9 мая в толпе у Холма славы (Ю. Мацарский, Львов. Бой во Львове за Знамя Победы // Известия, 2012.05.09) [6]; *ополчение* ‘войско, созданное из гражданских лиц в условиях вооруженного сопротивления власти, захваченной революционным путем’: *Киев объявил войну и мирным гражданам, – заявил Руденко. – Мы призываем собирать народное ополчение. Люди понимают, что их некому защищать, кроме них самих, поэтому мы будем очищать свою территорию от киевской хунты* (Т. Байкова, К. Волков. В Донецке готовятся к военному столкновению после референдума // Известия, 2014.05.07] и т. д.).

4. Выводы

Конфликт человека и власти, столь различный в традиционном обществе с его внутренними механизмами самоуправления и в обществе, управляемом официальными (законодательно установленными) властными институтами, закономерно получает языковое выражение. Этот лексический пласт составляет один из заметных сегментов социальной лексики. Систематизация этих номинаций по идеографическому принципу, на сегодняшний день еще не осуществленная, видится нам тем более перспективной в свете стремительно меняющихся социальных реалий.

Перспектива исследования видится в том числе в выявлении и описании номинаций институциональных отношений, воплощенных в разного рода языковых фактах: лексемах, фразеологемах и паремиях из диалектной, жаргонной, литературной страт в диахронном аспекте и современном употреблении. Такое описание лексической репрезентации социальных отношений позволит создать комплексную картину институциональных отношений в разные периоды истории народа, воплощенную в его языке.

Список литературы

1. Басмачество [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Басмачество>. (Дата обращения: 01.08.2017.)
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1982.
3. Колесов В. В. Гордый наш язык... СПб. : Авалон ; Азбука-классик, 2006. 352 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Леонтьева Т. В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах : монография. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 219 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL : www.ruscorgo.ru. (Дата обращения : 03.06.2016).
7. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М. : Азбуковник, 2001. С. 181–208.
8. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. Аккад. Наук, 1885. 198 с.

9. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
10. Скиперский А. В. Тело как поверхность письма: опыты протестного дискурса в современной России // Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 31–36.
11. Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–10. Вологда: Русь, 1983–2005.
12. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1994–2005.
14. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011. Вып. 1–44.
15. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950–1965.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1893–1912.
17. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова, 1894. 1004 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
19. Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. Вып. 1–38. М.: Наука, 1974–2012.
20. Anderson R. D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. Vol. 60, No. 2 (Summer, 2001), pp. 312–335.
21. Barnden J. A., Glasbey S. R., Lee M. G., Wallington A. M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1. Pp. 1–30.
22. Chomsky N. *Language and Politics*. U. K.: AK Press, 2004. 802 p.
23. Musolf A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 516 p.

A MAN AND AUTHORITIES: CONFLICT IN THE MIRROR OF A LANGUAGE

T. V. Leontyeva, A. V. Shchetinina

Russian State Vocational Pedagogical University
the Department of Russian and Foreign Languages

The article presents the results of the analysis of vocabulary representing the conflictual relationships between man and authorities in dialectal and literary discourses. The analysis of linguistic facts allows us to conclude that the conceptualization of the relationships between authorities and the rank-and-file member of the community, embodied in the language has significant differences in the traditional society and in the modern urban environment.

Keywords: *conflict; semantics; ideography; Russian folk dialects; a man; authorities.*

Об авторах:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11), e-mail: leotany@mail.ru.

ЩЕТИНИНА Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11), e-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru.

About the authors:

LEONTYEVA Tatyana Valeryevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Yekaterinburg, Mashinostroiteley str., 11), e-mail: leotany@mail.ru.

SHCHETININA Anna Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Yekaterinburg, Mashinostroiteley str., 11), e-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru.